

Довлатовские бдения

Русский телеграф. 1998. — 14 мая. — 11

Задача хорошего писателя

не превратиться в великого

● Это была первая международная конференция; целиком проходившая на русском языке, с гордостью сказал, подводя итоги, один из организаторов Первых Довлатовских чтений, проходивших на прошлой неделе в Санкт-Петербурге, Андрей Арьев. Причем по-русски о творчестве Довлатова рассуждали даже японцы: например, профессор Токийского университета Мицусеи Нумано, интерпретатор и переводчик Довлатова. Профессор убежден: предсказание Глеба Струве о том, что зарубежная русская литература рано или поздно сольется в общее русло русской литературы, сбылось самым ярким образом не в лице Набокова или Солженицына, а именно Довлатова. Русские в метрополии начинают считать его «своим», принимая его не очень традиционную поэтику, которую Довлатов выстрадал в пустоте под названием «эмиграция». Любопытно, что японский славист, указывая на пристрастие Довлатова к американской литературе середины века, при этом выделяет те черты его поэтики, что роднят его с писателями-постмодернистами конца века. Все перечисляемые Нумано признаки можно свести к одному: отсутствие и принципиальное неприятие какой-либо жесткой структуры, иерархии как на эстетическом, так и на нравственном и идеологическом уровне.

Но в тех выступлениях на конференции, которые я прослушал, слово «постмодернизм» упомянуто не было. Не прозвучало оно на этот раз даже у Александра Гениса, говорившего о пушкинском начале в мировоззрении и поэтике Довлатова. Согласно Генису, «Заповеди» — рассказ о приобщении автора к пушкинской вере, к его «олимпийскому равнодушию». Довлатова покоряла способность Пушкина подниматься над антагонизмом добра и зла и в то же время его способность понять и принять точку зрения даже самого отпетого злодея (Пугачев в «Капитанской дочке»). «Периферийное зрение автора, — отмечает далее Александр Генис (его доклад — глава из его новой книги о Довлатове), — уравнивая в правах все элементы мироздания, делало сплошной тканью бытия». Очевидно, эту особенность оптики Довлатова имел в виду и Петр Вайль, назвавший Довлатова «самым антидидактичным писателем нашего времени». Не в этом ли главное объяснение массовости успеха книг Довлатова в стране, которая только начинает отходить от жизни как воплощения некоей «объективной идеи»?

Отсутствие какой-либо предвзятости в отношении к людям, принципиальное нежелание быть судьей помогло Довлатову найти своих, «довлатовских» героев, точнее — антигероев современной ему советской жизни шестидесятых-семидесятых годов. «Герои Довлатова были всюду, — признает Валерий Попов, известный ленинградский писатель, которого можно считать предшественником Довлатова. — Но мы все их проморгали. Довлатов повсюду ходил, наблюдал и подолгу высиживал свои рассказы». В этой связи автор первой книги о Сергее Довлатове петербуржец Игорь Сухих проводил в своем докладе параллели между ним и Венечкой Ерофеевым. На конференции много раз отмечалось, что Довлатов не умел писать чистый вымысел, что он во всем отталкивался от реальных событий, а зачастую вставлял их целиком в свою прозу, то есть пользовался реди-мейдами. Но, как считает Валерий Попов, талант Довлатова состоял в том, что он не писал уголовную хронику или фельетоны, а подобно ювелиру обрабатывал факты до тех пор, пока те не начинали сверкать как жемчужины. Вдова Довлатова Елена посетовала после конференции, что многие до сих пор верят, что Довлатов, злоупотреблявший алкоголем, «допилась до славы»: «Они не знают, как много Сергей работал в последние годы в эмиграции».

Вообще расширенное название Довла-

товских чтений — «Городская культура Петербурга — Нью-Йорка 1970—1990-х годов» — себя не оправдало. На конференции явно доминировали писатели и поэты — друзья питерской юности Довлатова: Валерий Попов, Владимир Уфлянд, Сергей Вольф, Яков Гордин, Андрей Арьев. Последние два — соредакторы журнала «Звезда», которые совместно с Довлатовским фондом устроили конференцию прямо в своей редакции. Так что «Так что крен Довлатовских чтений в сторону его предэмиграционного периода был предсказуем, как его ни пытались преодолеть выступления живущего в Нью-Йорке критика Соломона Волкова, рассказавшего о Довлатове как об авторе престижного журнала «Нью-Йоркер», и писательницы из Бостона Людмилы Штерн, старинной ленинградской знакомой Довлатова, с которой он собирался, но так и не собрался писать сценарий для фильма из жизни советских эмигрантов в США».

американские занятия Довлатова, помимо литературы, — работа в еженедельнике «Новый американец», а затем выступления по радио «Свобода», которые были прерваны его смертью в девяностом году, — на конференции были обойдены, видимо, по причине отсутствия интереса ее участников к эмигрантской жизни. А жаль. Ведь в Америке Довлатов занимался журналистикой не только ради денег. В ней для него была возможность выхода из русскоязычного гетто в жизнь большого Нью-Йорка, а также серьезная попытка выработать для себя, своих коллег и читателей газеты некий джентльменский набор ценностей, противостоящий пошлости и мраку, в одинаковой степени исходивших и от просачивавшейся в Нью-Йорк под видом ностальгии советской пропаганды, и от ее антагониста — нью-йоркской газеты «Новое русское слово». То, что «НА» проиграл в неравной борьбе с «НРС», говорит скорее о неопытности в делах Довлатова и его команды, чем об их профессиональных просчетах. Ведь то, что «НА» был на верном пути, нащупывая новые темы и интонации, подтвердилось через десять лет после закрытия газеты — с появлением новой журналистики в постсоветской России. Обо всем этом могли бы подробно рассказать те же Вайль и Генис. Что они, наверное, и сделают на следующих Довлатовских чтениях через два года. А к тому времени, возможно, будет выпущена кассета с лучшими выступлениями Сергея Довлатова на «Свободе», которые обещал подготовить Петр Вайль, работавший с ним в нью-йоркском бюро.

Какой главный вывод можно сделать, прослушав две дюжины докладов о Сергее Довлатове? Что он был хорошим, очень хорошим писателем, который, как заметил поэт Анатолий Найман, хотел освободить русскую литературу от свойственной ей тяжести — что ему во многом удалось и за что его теперь так любят читатели по обе стороны океана. Казалось бы — открытие небольшое. Тем не менее в стране, где большая часть литературы до сих пор стремится властвовать над сердцами и умами читателей, ведя их в светлое будущее, лишний раз напомнить, что быть просто хорошим писателем — это так же важно и, быть может, даже труднее, чем великим, — совсем не бесполезная затея. Как заметил Евгений Попов, «надеясь на себя доспехи, шлем, кольчугу, погоны, ордена — весь этот маскарадный костюм Большой Идеи, — хороший писатель превращается в великого, который гораздо хуже. Но Довлатов ни разу не купился ни на какую великую идею, патриотическую или демократическую. Он ненавидел эполеты великого писателя, и в том, что он избегал этого соблазна и сохранился как хороший писатель, проявился его гениальный вкус и петербургская скромность, которой порой так не хватает писателям-москвичам».

АЛЕКСАНДР БАТЧАН,
Санкт-Петербург